

ДЖЕЗЕБЕЛ
МОРГАН

ИДИ
ЧЕРЕЗ
ТЁМНЫЙ
ЛЕС

ДИ
ЛО
ГИЯ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М79

Художественное оформление сугилnihil

Дизайн переплета *Кати Петровой*

Морган, Джезебел.
М79 Иди через темный лес : диалогия / Джезебел Морган. —
Москва : Эксмо, 2024. — 672 с. : ил.

ISBN 978-5-04-199698-7

Когда найдешь у сестры соколиные перья, смирись и не пытайся ее спасти. А когда она исчезнет — шагни в Навь и иди. Иди ей на помощь.

Иди через темный лес.

Но сказка не закончится. Когда сквозь расколотое небо в мир живых потянется Навь. Когда не получится спрятаться в ледяном сне. Когда сестрица посмотрит чужими глазами.

Зови на помощь кошмар — и иди вслед за змеями. Надежда еще есть.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199698-7

© **Морган Дж., текст, 2024**
© **Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024**

ИДИ
ЧЕРЕЗ
ТЕМНЫЙ
ЛЕС

A black and white illustration of a dense forest. The scene is framed by a white rectangular box with a slightly irregular, torn-edge border. Inside the box, the text is centered. The forest background is rendered with fine lines and shading, showing various tree trunks, some with rough bark, and a variety of plants and ferns on the forest floor. The overall style is that of a detailed woodcut or a fine-line drawing.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВСЕМ,
КТО ПОТЕРЯЛСЯ В ТЕМНОМ ЛЕСУ
И ИДЕТ НА СВЕТ.

1

Три соколиных перышка

Утром я нашла на подоконнике три соколиных пера.

На белом пластике они смотрелись совершенно неуместно. Может, в деревенской избе, где под потолком сушатся пахучие травы, либо в охотничьей сторожке, пол которой устлан хвоей, стружкой да сухими листьями, соколиные перья не бросались бы в глаза. Но за тонким стеклом высились унылые многоэтажки и ветер пригибал дым, тянувшийся с ТЭЦ.

Я точно помнила, что, когда я за полночь погасила настольную лампу, подоконник был чист.

Марья, моя младшая сестра, только просыпалась, нежась под одеялом и растягивая последние, самые сладкие пять минут. И когда только успела проташить перья мимо меня?

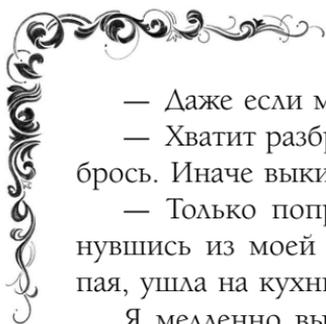
Я тряхнула ее за плечо:

— Эй, вставай!

Не обращая внимания на возмущенное хныканье, я вытащила сестру из-под одеяла и указала на перья:

— Твое? Сколько раз просила, убирай за собой мусор!

Марья сонно нахохлилась, переводя взгляд с подоконника на меня, и огрызнулась:

- Даже если мое, тебе-то какое дело?
- Хватит разбрасывать вещи. Либо убери, либо выбрось. Иначе выкину сама!
- Только попробуй, — прошипела она и, вывернувшись из моей хватки, демонстративно громко топая, ушла на кухню.

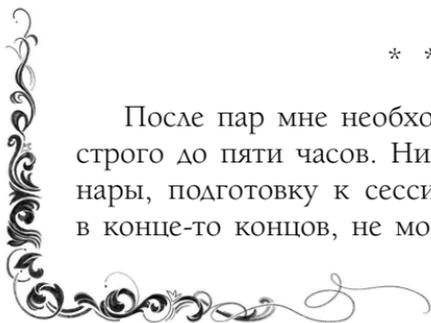
Я медленно выдохнула, унимая раздражение. Обязанности по уборке уже давно повисли на мне камнем, и видеть подобное неуважение к собственному труду... мягко говоря, надоело. В этот раз я решила не потакать капризам Марьи и выбросить перья, даже протянула к ним руку, но что-то меня остановило.

10

Где Марья могла раздобыть перья дикой птицы? Я ни секунды не сомневалась, что она не ободрала несчастную галку или сороку: раз увидев, перья сокола уже ни с чем не спутаешь. Огромные, серо-черные, они приковывали внимание и не давали отвести от себя взгляд. Откуда им взяться в нашем районе, застроенном домами настолько плотно, что даже сухие листья лишь изредка залетают во двор вместе с порывами пронизывающего ветра? Кто дал их сестре? Спросить бы ее — но не ответит, я для нее не авторитет. А мать... мать уже давно вспоминает о нашем существовании, только когда мы сталкиваемся на кухне.

Пронзительно тренькнул будильник — пора провожать младшую в школу и бежать в университет. Резко, пока не успела передумать, я сгребла перья и, скомкав их и сломав, отнесла в прихожую. Выброшу по дороге на остановку, вместе с остальным мусором.

* * *

После пар мне необходимо было успевать в офис, строго до пяти часов. Никакие объяснения про семинары, подготовку к сессии, пробку в центре города, в конце-то концов, не могли тронуть черствое сердце

моей начальницы. Я подрабатывала вечерним секретарем: разгребала бумажные экскременты дневной жизнедеятельности офиса, сканировала многостраничные договоры, раскладывала документы по папкам. Эти авгиевы конюшни я прибирала до девяти вечера, пока не закрывался бизнес-центр, а потом бежала на остановку, подгоняемая страхом упустить последнюю маршрутку в наш спальный район.

Вот и сегодня я едва на нее успела. Уже в салоне, устроившись у запотевшего окна, проверила пропущенные вызовы на телефоне. Звонили мне редко — контакты с одноклассниками я свела к минимуму, семья обо мне вспоминала, только когда нужно было оплатить коммунальные услуги. Но я всегда отключала звук на время работы, чтобы ничто не отвлекало от сомнамбулического переключивания бумаг.

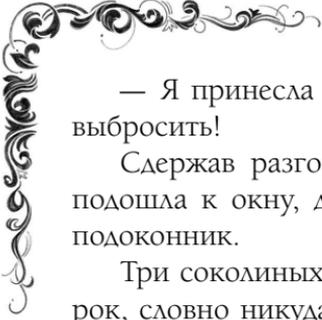
Но сегодня пропущенных было пять, и все от Марьи. Пока шли гудки, я нервно барабанила пальцами по спинке сиденья, даже боясь представить, что могло случиться с сестрой.

Через десять секунд длинные гудки сменились короткими.

Я с раздражением уставилась на погасший экран. Скорее всего, сестра снова психует из-за каких-то пустяков и ничего серьезного не произошло, но все равно всю дорогу до дома я нервно покусывала губы.

Марья валялась на незастеленной кровати, даже не переодевшись после школы. Как только я вошла, она бросила на меня сердитый взгляд и уставилась в книгу, старательно меня игнорируя. Когда уже закончится у нее переходный возраст? Ее выкрутасы с каждым днем все сильнее и сильнее выводили меня из равновесия.

— Ты звонила, — миролюбиво произнесла я, переодеваясь в домашнее. Марья недовольно процедила, даже не удостоив меня взглядом:

— Я принесла новые перья. И только попробуй их выбросить!

Сдержав разгорающееся раздражение, я медленно подошла к окну, до последнего не желая смотреть на подоконник.

Три соколиных пера лежали у самых оконных створок, словно никуда я их и не выбрасывала.

— Марья, — как можно спокойнее сказала я, — пойми, я не против твоих увлечений. Я всего лишь прошу, чтобы ты не разбрасывала свой мусор по всей комнате. Просто убери их.

Сестра даже глаз на меня не скосила и демонстративно перевернула страницу. Я вспыхнула и вырвала книгу у нее из рук.

— Слушай, избавь меня от своих капризов. Мне приходится учиться и работать, чтобы тебе было что есть и в чем в школу ходить. Я веду хозяйство. Одна, даже о помощи не прошу. Так прислушайся же хоть раз к моей просьбе!

Марья не выдержала и, вскочив, заорала в ответ:

— Вот не надо мне тыкать тем, что ты меня кормишь! Я из-за этого по стеночке ходить не буду только для того, чтоб вашей светлости не мешать! Я тебе не оплаченная прислуга, чтоб все по твоему желанию делать!

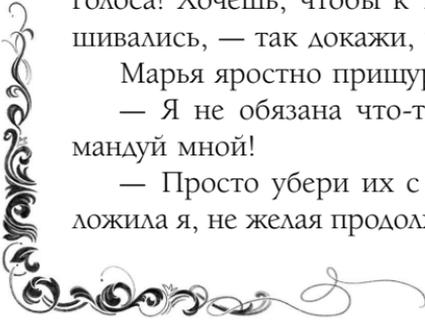
Ее вспышка злости почти отрезвила меня. Я попыталась успокоиться, но накопившееся раздражение рвалось наружу.

— Нет, ты просто иждивенка, не имеющая права голоса! Хочешь, чтобы к твоему мнению тоже прислушались, — так докажи, что заслуживаешь этого.

Марья яростно прищурилась.

— Я не обязана что-то тебе доказывать! И не командуй мной!

— Просто убери их с подоконника, — снова предложила я, не желая продолжения бессмысленного спора.

— Вот еще!

— Тогда я их выкину.

Марья только гаденько улыбнулась.

Я пожала плечами и, прежде чем сестра успела опомниться, распахнула окно и вышвырнула перья в темноту. В комнату ворвался пронизывающий порыв ветра, принесший холод и стылый запах мокрой улицы.

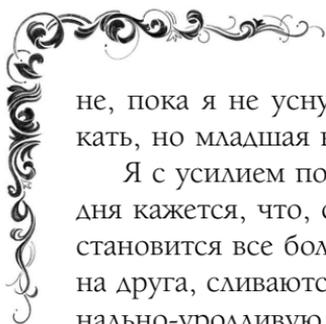
— Сука! — взвыла Марья и в ярости унеслась на кухню.

Я устало прислонилась лбом к холодному стеклу. Десять, девять, восемь... окно запотело от дыхания. Накатила опустошающая усталость, и собственные действия уже не казались мне правильными. Раздражение и на Марью, и на себя ворочалось внутри, неприятно сдвигало нутро.

Сестра игнорировала меня до поздней ночи. Сидела без света на кухне, боясь привлечь внимание матери. Я часто ругала и отчитывала ее, но любя, — мать же могла запросто накинуться с кулаками за включенный на кухне свет в неурочный час.

Хочет обижаться — пусть. Я спокойно досчитала свою лабораторную работу и взялась за работы наших «денежных дубов» — то ли тупых, то ли ленивых одноклассников, готовых платить за то, чтобы кто-то делал задания вместо них. Платили, конечно, мало: клубы и бары — увлечения не из дешевых, но даже такие деньги меня устраивали.

Когда я обессиленно откинулась на спинку стула, на часах уже было два ночи. Количество сделанных работ едва перевалило за половину, и оставшиеся не вызвали ничего, кроме отчаяния пополам с отвращением. Стоило подумать о дальнейшей работе, как сразу же разболелись запястья и кончики пальцев. Конечно, можно было бы пожертвовать сном и доделать все сегодня, но Марья, эта упрямая дурында, так и будет сидеть на кух-

не, пока я не усну! Мне-то к такому ритму не привыкать, но младшая не выдержит и свалится в школе.

Я с усилием помассировала уставшие глаза. В конце дня кажется, что, сколько бы проблем я ни решила, их становится все больше и больше, они громоздятся друг на друга, сливаются в одну, отвратительную и иррационально-уродливую, неподъемную, как сизифов камень. В такие ночи я сижу над чужими курсовыми до рассвета или лихорадочно ищу варианты новой подработки. Перед глазами стоит бесконечный список моих «должна»: должна платить за квартиру, лечить мать, поддерживать сестру, оплатить ей университет, кормить ее, заботиться о ней...

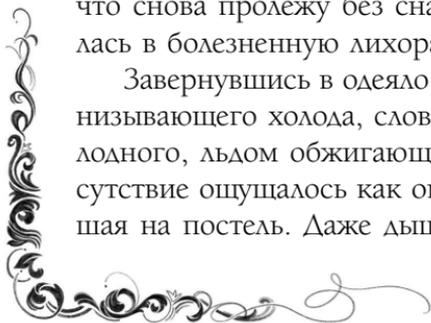
И ничего не должна — себе.

14

Я заставила себя педантично навести абсолютный порядок на столе, прежде чем потушить свет настольной лампы и лечь в кровать. Через несколько минут слышались медленные осторожные шаги — сестра крадучись возвращалась в комнату. Замерла над моей кроватью, словно едва удерживаясь от плевка в лицо, быстро переделалась и закопалась под одеяло.

Даже дневные обиды не могли нарушить ее сон. Я лежала с закрытыми глазами и слушала дыхание сестры, шорохи и скрипы спящего дома, приглушенный шум улицы. Мрачные мысли теснились в голове, заставляя раз за разом переживать ссору, искать новые аргументы, по-другому строить диалог, до бесконечности спорить с воображаемой Марьей. Но стоило решить, что снова пролежу без сна до рассвета, как я провалилась в болезненную лихорадочную дрему.

Завернувшись в одеяло, я все равно тряслась от пронизывающего холода, словно пытаюсь спрятаться от голодного, льдом обжигающего взгляда. Чье-то злое присутствие ощущалось как огромная угловатая тень, упавшая на постель. Даже дышать было страшно, быстрый

стук сердца казался оглушительно громким. Дрема верно переходила в глубокий кошмар, и я усилием воли заставила себя проснуться.

Рывком сев на кровати, я отдышалась и утерла испарину со лба. Комнату освещали только электронные часы — 3:19. Меня еще потряхивало от озноба, хотя было душно, пижама впитала пот и неприятно липла к телу. Расставшись с надеждой выспаться, я покосилась на кровать Марьи — она спала, раскинувшись звездой, и одеяло почти сползло с нее на пол. «Замерзнет», — промелькнула в сонном сознании мысль, и я, верная своему долгу, встала ее укрыть.

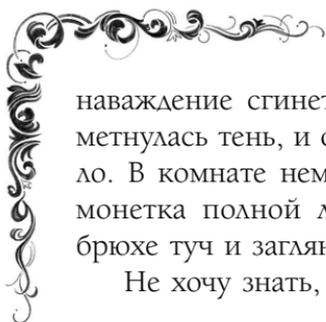
Уже разглаживая складки на одеяле, я услышала тихое постукивание, будто узловатая ветка, как усохший палец ведьмы, требовательно барабанит по стеклу. Оборачиваться не хотелось. Ну какие ветки, до ближайшего дерева пятнадцать минут быстрым шагом!

Не поднимая глаз, я быстро нырнула под одеяло, чувствуя подступающий липкий страх. Стараясь себя убедить, что это всего лишь продолжение сна, уставилась в стену. Здравый смысл подсказывал, что стоит взглянуть в окно, убедиться, что нет там ничего, но никакая сила сейчас не заставила бы меня к нему повернуться.

В этом болезненно напряженном состоянии каждый звук, каждый шорох звучал громче и отчетливее. Стук сменился вьедливым шелестом, словно огромная птица расправляла крылья. Клацнули по внешнему подоконнику когти. Снова раздался стук — нарастающий, требовательный.

Марья вздохнула во сне и заворочалась. Одеяло вновь начало сползать на пол.

Я и не думала поворачиваться к окну. Тех нервов, что у меня остались, не хватит, чтобы смотреть в глаза своим ночным кошмарам. Я вжималась в подушку, до побелевших костяшек хватаясь за одеяло, ждала, когда

наваждение сгинет, и наконец дождалась — за окном метнулась тень, и ощущение изучающего взгляда исчезло. В комнате немного посветлело, словно серебряная монетка полной луны вынырнула сквозь прореху на брюхе туч и заглянула в наше окно.

Не хочу знать, что это было. Просто не хочу знать.

* * *

Утром на подоконнике снова лежали перья. Точь-в-точь такие же, как и вчера, словно никто их и не выбрасывал. Могу поклясться, что они лежали даже на том же месте, будто бы к ним и не прикасались со вчерашнего утра. Я заставила себя не думать, откуда они взялись.

16

Марья убежала в школу молча, едва успев проглотить бутерброд на завтрак. Я же все еще сидела в комнате и, не отрывая взгляда, смотрела на перья. С ними что-то было не так... слишком «не так» даже для перьев, появляющихся за запертым окном.

Тренькнул последний будильник, напоминающий, что еще чуть-чуть, и я вообще никуда не успею. Стараясь не поворачиваться к окну спиной, я подхватила сумку и вышла из комнаты, плотно закрыв дверь.

Только на улице, ежась под порывами промозглого ветра, я запоздало поняла, что же меня так нервировало.

Запах.

От перьев едва уловимо тянуло сладковатым запахом мертвечины.

2

Мертвая птица

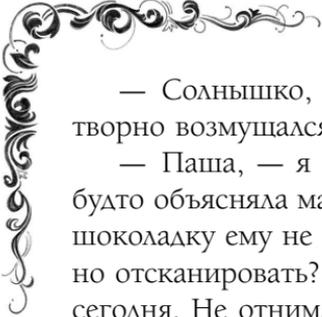
Весь день на периферии зрения мерещились огромные птицы, но стоило резко повернуться — и они пропадали. Естественно, сосредоточиться хоть на чем-то, кроме ночных страхов, не удавалось. В перерыве между лекциями я выпила две чашки кофе и попыталась внушить себе, что во всем виноваты усталость и мнительность.

Не помогло.

По дороге на работу меня то и дело накрывала тень проносющейся в вышине птицы. Раньше я не обратила бы на это внимания: ну мало ли в центре города голубей и ворон, ну летят себе и летят — главное, чтоб сверху не гадили! Сейчас же я вздрагивала от любого крылатого силуэта.

Нужно попить валерьянки. Определенно.

Обычно я радовалась, когда кто-то из работников задерживался в офисе: было неуютно оставаться одной в пустом помещении, слушая тихое потрескивание ламп. Но сегодня мне хотелось покоя, хотелось спрятаться за банальными и привычными стопками документов и забыть обо всех кошмарах. И я едва сдерживала нетерпение, выпроваживая сисадмина, вдруг решившего задержаться.

— Солнышко, неужели ты так мне не рада? — приторно возмущался Паша, весело скаля зубы.

— Паша, — я говорила медленно и спокойно, как будто объясняла маленькому и капризному ребенку, что шоколадку ему не купят. — Ты видел, сколько мне нужно отсканировать? Между прочим, это не вся работа на сегодня. Не отнимай мое время, пожалуйста.

— О, как жестоко твое сердце, раз ты лишаешь меня единственной радости — любоваться твоим прекрасным и суровым ликом!

— Социальные сети и фотографии к твоим услугам. Любишься сколько влезет.

Я решила игнорировать настырного коллегу и начала демонстративно сканировать многостраничный договор. Натужно загудел сканер.

18

— Неужели ты даже откажешь в свидании скромному рыцарю сервера и клавиатуры, который благородно скрывает от злой и страшной Крейсерши, что вместо работы ты в интернете сидишь? — коварно прищурившись, поинтересовался Паша, нависая над моим столом.

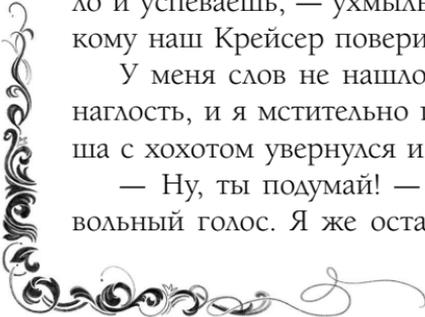
Я недоуменно уставилась на него поверх монитора. Крейсершей «нежно» и за глаза называли недавно назначенную главу отдела — она отличалась необъятными размерами и мерзейшим характером.

— О чем ты? Я здесь интернетом не пользуюсь — времени нет.

— А если я скажу, что пользуешься? Потому так мало и успеваешь, — ухмыльнулся Паша. — Как думаешь, кому наш Крейсер поверит?

У меня слов не нашлось, чтобы ответить на такую наглость, и я мстительно швырнула в него ручкой. Паша с хохотом увернулся и шмыгнул за дверь.

— Ну, ты подумай! — донесся из коридора его довольный голос. Я же осталась в некотором ошеломле-

нии переваривать его заявление, машинально сканируя документы, страница за страницей.

Угроза была не такой уж и пустяковой. Крейсерша, казалось, ненавидела всех людей поголовно, особенно своих молодых коллег. Девочка-секретарь, работающая в первой половине дня, уже сбежала от такой начальницы-самодурки. Мне бежать было некуда, приходилось сжимать зубы и улыбаться, идеально выполняя работу, чтобы придрататься было не к чему.

Пашу же Крейсерша, наоборот, выделяла, с его-то разрядом мастера спорта по подлизыванию. Если он начнет стучать, начальница даже доказательств не потребует: «Ой, Пашенька, я же все равно ничего не смыслю в этой вашей навороченной технике!»

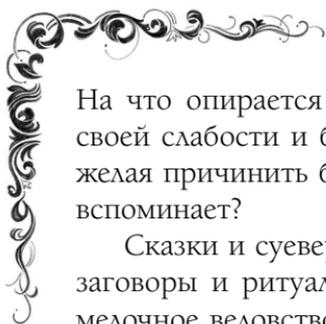
От мрачных мыслей я отвлеклась, только заметив, что сканирую договор по второму кругу. Выругавшись сквозь зубы, я придвинула к себе пачку счетов-фактур.

19

С каждой минутой все сильнее разгорались гнев и обида — нервное напряжение, сковавшее меня с утра, наконец нашло выход. Цифры мелькали и расплывались перед глазами, я машинально вбивала данные о поставках, жалея себя и лелея злость на Пашу. В конце концов меня начало потряхивать от едва сдерживаемой ярости, словно Крейсерша уже устроила мне разнос и отправила искать другую работу.

С отвращением оттолкнув от себя последний бланк, я ринулась в интернет, уверенная, что терять уже нечего. Я всего лишь хотела обновить резюме и уже сейчас подыскать себе новое место, но детская, беспомощная обида и желание поквитаться заставили вбить в поисковую строку другие слова.

Я ничего не могла сделать Паше, я никак не могла защититься от клеветы и шантажа — но болезненное чувство справедливости требовало сделать хоть что-то.

На что опирается женщина, понимающая всю бездну своей слабости и незащищенности? На что она надеется, желая причинить боль тому, кто вне досягаемости? Что вспоминает?

Сказки и суеверия, сплетни о приворогах и порчах, заговоры и ритуалы. Иногда мне кажется, что подлое мелочное ведовство у каждой женщины в крови.

Заговор на богатство, приворот, отсушка, порча... Я мельком просматривала страницы в браузере и сразу удаляла их из истории, не желая облегчать Паше работу. То ли интуиция, то ли здравый смысл подсказывали — это все не то: фальшь и наигранность ощущались в каждом слове. Я уже успела успокоиться и обозвать себя круглой дурой, когда наткнулась на небольшую статейку о магических свойствах бытовых предметов. Круги из соли, двенадцать ножей для превращения в волка, иглы, используемые и для проклятий, и для защиты от них, — все это было настолько похоже на сказки, что вызывало раздражение и тоску по детству одновременно.

20

Я устало спрятала лицо в ладони. Вспышка злости прошла, и теперь мое желание проклясть Пашу казалось настолько глупым, что у меня щеки начали гореть от стыда. С усилием проведя по векам, я заставила себя успокоиться и завершить работу. И так потратила слишком много времени на какую-то чушь.

Ровно в девять вечера я вышла из здания бизнес-центра, но маршрутки на остановке не было. Первые пять минут я верила, что она опаздывает, через десять заподозрила, что она уже уехала, а через двадцать — была свято уверена в этом. Сегодня словно все обернулось против меня! На глаза снова навернулись слезы, а ладони похолодели от бессильной злобы. И что мне делать? Разве что бежать к проспекту, надеясь поймать хоть какую-то маршрутку в мой район.

